

П. Ф. Стросон
ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА
И A PRIORI¹

Термин «реализм» в философии имеет несколько смыслов или применений. Здесь будут рассмотрены только два из них. Оба они касаются одного и того же вопроса: отношения природы реальности (понимаемой по-разному), с одной стороны, и человеческих когнитивных и интеллектуальных способностей — с другой. Иными словами, вопроса о вещах как они есть на самом деле, и тем, что мы в принципе знаем о том, каковы они.

Это вопрос, относительно которого мнения разделяются достаточно четко и глубоко. С одной стороны, мы видим многих философов — к ним относится, пожалуй, большинство наших современников, — которые в корне отвергают или находят бессмысленным то, что они склонны называть «метафизическим» или, возможно, «трансцендентным» реализмом: веру в реальность, которая в принципе превосходит все возможное человеческое знание или понимание. Эти философы в большинстве своем именуют себя реалистами, называя свой реализм «внутренним», или «человеческим» (подобно Патнэму) или «научным» (подобно Куайну). Их можно даже по праву назвать, заимствуя выражение у Канта, «эмпирическими» реалистами. Есть что-то ироничное или даже извращенное в таком заимствовании у Канта, потому что Кант сочетает — или представляется сочетающим — свой эмпирический реализм с приверженностью к очень сильной форме в точности той его метафизической разновидности, которую отвергают наши современники — к пресловутой доктрине, что реальность какова она сама по себе есть нечто, о чем мы не можем вообще ничего знать. Конечно, несмотря на приверженность комбинации двух разновидностей реализма, он описывает свою позицию иначе: вместо этого он называет ее трансцендентальным идеализмом.

Вот одно из тех мест, где мы встречаем проблему реализма. Действительно ли Кант сочетает две формы реализма?

¹ Перевод с английского В. А. Чалого. Выполнен по изданию: *Strawson P. F. Entity and identity and other essays*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 244—251.

Возможно ли это? Или притязаниям какой-то из них на звание реализма следует отказать?

За ответом нам следует обратиться к кантовским трансцендентальным исследованиям априорных условий возможности опыта или эмпирического знания. Канту принадлежит тезис, который мало кто захочет оспорить, что человеческое восприятие чувственно и что человеческий интеллект, или рассудок, дискурсивен. Или, другими словами, что мы пассивно или чувственно рецептивны по отношению к материалу опыта и знания и что, формируя знания или убеждения, мы необходимо задействуем общие понятия. С этими двумя трюизмами Кант связывал два вида априорных условий возможности опыта или эмпирического знания. Первое условие состоит в том, что весь данный в чувствах материал опыта является и, более того, должен являться упорядоченным во времени и в пространстве. Второе: поскольку общие формы всякого суждения в точности совпадают с теми, которые выделены в формальной логике, и поскольку применение этих форм к предметам опыта требует применимости определенных весьма общих понятий (категорий), опыт вообще должен быть предметом этих чистых или априорных понятий. Или, другими словами, что эмпирическое знание возможно только потому, что такие понятия, как «причинность» и «субстанция», неизменно сохраняют значимость в эмпирической реальности — такой вывод поддерживается как общим, так и частными аргументами «Трансцендентальной аналитики».

Приведенное выше суммарное изложение кантовских взглядов на необходимые или априорные характеристики эмпирического знания не содержит и намека на необходимость с его стороны полагать существование области реальности, находящейся в принципе вне досягаемости человеческого познания. Не идя дальше этого представления, Кант мог бы пестовать свой «эмпирический» реализм даже и не помышляя о его «метафизической» или «трансцендентной» разновидности. И он мог бы делать это без всякой угрозы для априорного статуса того, что было предложено им как необходимые условия человеческого знания.

Исходя из моего обобщенного изложения, последний тезис (касающийся априорного статуса этих условий) кажется очевидным применительно к категориям, поскольку я здесь не привлекаю к рассмотрению ни их выведение из форм суждений, ни действительность частных аргументов «Трансцендентальной аналитики» в их поддержку. Не столь очевидным может показаться утверждение относительно упорядоченности во времени и пространстве. Если бы кантовский эмпирический реализм был на самом деле безусловным реализмом по отношению к предметам эмпирического знания, не было бы понятно, почему пространственно-временной характер этих предметов не может быть чем-то, познаваемым непосредственно из опыта вместо того, чтобы быть необходимым условием эмпирического знания вообще. Но хотя это положение и не кажется очевидным, оно легко выводимо, если принять посылку о том, что все мы создания, наделенные дискурсивным интеллектом и чувственным восприятием. Ибо такие создания должны задействовать и применять общие понятия к предметам чувственного восприятия. Отсюда следует, что они по крайней мере должны владеть общими понятиями, а сам смысл общезначимости понятия подразумевает возможность численно различных индивидуальных предметов, подпадающих под одно и то же понятие. Поскольку допущение безусловного реализма состоит в том, что предметы опыта сами по себе подлинно являются пространственно-временными, следует,

как я уже показывал в других работах², что пространство и время предоставляют единственно необходимое средство осуществления этой возможности в чувственном восприятии предметов. Я говорю «единственно необходимое», потому что хотя различные предметы, подпадающие под одно общее понятие, могут, конечно, быть различными во многих других аспектах, единственный аспект, в котором они не могут быть не различены — единственный аспект, в котором они необходимо различимы, — это их пространственное и/или временное положение. Итак, несмотря на то, что объекты, согласно принятому допущению, сами по себе являются пространственно-временными, остается истинным, что единственно необходимым условием схватывания эмпирических понятий вообще, а потому также формулирования эмпирических суждений, выступает наше восприятие предметов как пространственно-временных. А то что является необходимым условием всякого эмпирического суждения, само не может быть продуктом какого-либо из этих суждений, то есть является априорным.

Однако такая версия кантовской доктрины об априорных условиях эмпирического знания, хотя и выглядит, пожалуй, удобно и успокаивающе, едва ли может считаться на деле принадлежащей его трансцендентальному идеализму, поскольку он твердо помещает источник этих априорных условий целиком в область человеческой когнитивной конституции. Ключевая проблема — проблема пространства и времени. Когда Кант говорит об идеальности пространства и времени, он говорит неспроста. Он действительно имеет в виду то, что утверждает. Он в самом деле неявно допускает возможность других существ, чье восприятие чувственно, подобно нашему, но формы восприятия совершенно отличны от наших, не являясь пространственно-временными, и которым в силу этой причины явления, порождаемые вещами в себе, представляли бы иначе, чем пространственно-временные явления, известные нам. Их эмпирическая реальность была бы, так сказать, сильно отличной от нашей. То есть Кант, как представляется, на самом деле считает, что реальность какова она сама по себе, вещи, такие, какие они есть сами по себе, обладают собственной природой, о которой ни мы, ни любые другие существа с чувственным восприятием не могут получить никакого знания. В тексте есть достаточно фрагментов, четко оставляющих такое впечатление (см. особенно [В 308—9]).

В случае с рассудком как с источником априорных предпосылок ситуация не совсем аналогична. Кант не предполагает, даже неявно, возможности существ, чей рассудок был бы, подобно нашему, дискурсивным, но чьи общие формы суждений, а следовательно, и априорные понятия, были бы отличны от наших. Можно предположить, что он не считал такое возможным на том резонном основании, что логика является универсальной для всякого дискурсивного рассудка, хотя, конечно, при взаимодействии с не-пространственно-временной чувственностью схематизм категорий также отличался бы от известного нам. Но и здесь возникает необходимость для еще одной оговорки. Во всем, что касается требований к условиям знания предметов, понятия дис-

² См. *Subject and Predicate in Logic and Grammar*. London, 1974, p. 15—16; *Sensibility, Understanding and Synthesis // Kant's Transcendental Deductions*, ed. Forster. Stanford University Press: 1989, p. 72; *Kant's New Foundations of Metaphysics // Metaphysik nach Kant*. Stuttgart, 1988 (см. русский перевод: *Стросон П. Ф. Кантовские новые основания метафизики // Кантовский сборник*. Вып. 23. Калининград, 2002. С. 3—17); *Analysis and Metaphysics*. Oxford, 1992.

курсивного рассудка и чувственного восприятия комплементарны, взаимно зависимы. Но Кант не находит противоречия в мысли об «интеллектуальном восприятии», т. е. о недискурсивном рассудке, который не нуждается в чувственном восприятии и получает знания не просто о явлениях вещей в себе, но о самих этих вещах, хотя мы и не в состоянии представить смысл такого понятия. Он утверждает, что таков способ восприятия, который, насколько мы можем судить, может принадлежать только первоначальному существу [В 72]. Итак, еще раз, как и в случае с чувственностью, мы встречаем понятие непознаваемой для нас реальности вещей в себе, отличной от области предметов, о которых мы можем иметь знание. Доктрина о том, что знание, которым мы в действительности обладаем относительно последней области, полностью зависит от и обусловлено характером нашего человеческого когнитивного оснащения, дает основание именовать трансцендентальную философию трансцендентальным идеализмом.

В свете этой (второй) версии данной доктрины мы можем еще раз спросить, действительно ли Кант сочетает две формы реализма, упомянутые вначале. Существуют два противоположных основания, на которых этот вопрос может получить — и получал — отрицательный ответ. Принятие первого основания будет означать оспаривание корректности только что приведенной версии, отрицание того, что Кант придерживается веры в две различные области реальности: область эмпирически познаваемых феноменов и сверхчувственную область непознаваемых для человека вещей как они есть сами по себе (ноуменов). Сторонник такой точки зрения будет подчеркивать кантовское замечание о том, что понятие ноумена является чисто отрицательным понятием, призванным обозначить границы наших обоснованных притязаний на знание. Он также будет утверждать, что мысль о вещах, каковы они сами по себе, не является мыслью о вещах другого порядка, чем известные нам вещи, но мыслью о тех же самых вещах в полном отвлечении от условий (человеческой чувственности и рассудка), которые, как демонстрируется, либо утверждаются, являются условиями самого человеческого знания.

Согласно этой интерпретации, нам не предлагают два вида реальности и соответственно не предлагают и два вида реализма. Напротив, эмпирический реализм остается на своих позициях, и нам всего лишь предлагается осторожное и, безусловно, оправданное напоминание о том, что человеческое знание не может превзойти пределы человеческих познавательных способностей. Было бы несправедливым говорить, что доктрина тогда сводится к тавтологии, что мы можем знать о вещах только то, что мы можем знать, потому тем самым мы проигнорировали бы блестящую и по большей части убедительную демонстрацию необходимых структурных элементов человеческого знания и опыта, которая делает первую «Критику» философской работой уникального значения. Но мысль об отдельной, трансцендентной области реальности исчезла. Ответом на наш исходный вопрос о том, в самом ли деле Кант сочетает две разновидности реализма, было бы «нет». Самое большее, что нам остается, — это что в вещах, о которых мы имеем некоторое знание, может содержаться больше, чем мы можем, или когда-либо сможем, знать о них. И с этим наши упомянутые вначале «внутренние» или «человеческие» эмпирические реалисты могут, пожалуй, согласиться.

Выше приведен один взгляд, или интерпретация, отрицающая, что Кант сочетает две разновидности реализма. Есть и другая, совершенно противоположная интерпретация, ведущая к такому же негативному результату, но в обратной форме. Согласно этой точке зрения, находящей подтверждение во

многих фрагментах «Критики», мы должны принять совершенно всерьез доктрину о существовании сверхчувственной области вещей, которые сами по себе не являются ни пространственными, ни временными. В этой области осуществляется квазипричинное отношение аффицирования — только квази-причинное, поскольку категория причинности имеет применение исключительно во временной сфере явлений. Из отношения аффицирования возникает явление упорядоченного во времени человеческого опыта о том, что предстает как пространственно и причинно упорядоченный мир предметов, отличных от наших представлений о них. Общая природа этого результата обусловлена теми свойствами сверхчувственной реальности, которые проявляются в характеристике чувственности и рассудка, словами Канта, «существа, которое мыслит в нас» [А 401]; его частная, или детальная природа, без сомнения, обусловлена другой стороной отношения аффицирования.

Эта трактовка кантовской философии сходится с изложенной выше в отрицании того, что Кант сочетает две разновидности реализма. Но основания здесь противоположны. Здесь пышно расцветает трансцендентный реализм, в то время как эмпирический реализм гибнет. Ибо, несмотря на то, что критической философии принадлежит доктрина, согласно которой мы с необходимостью вверены в опыте концептуальной схеме, обеспечивающей независимое существование тел в пространстве и наших восприятий этих тел во времени, в более широкой критической перспективе, пытающейся объяснить эту помещенность в концептуальную схему, от нас требуется признать, что пространство и время и все что является в них, включая наше видимое «я», сами по себе не более чем явления и что о непространственной и вневременной реальности, которая стоит за ними, мы не можем знать абсолютно ничего.

Итак, может показаться, что, рассматривая критическую философию, мы сталкиваемся с выбором интерпретации. Может показаться, что либо вещи в пространстве и времени, включая нас самих и наши протяженные во времени восприятия, реальны, а вещи в себе суть те же самые вещи, но рассматриваемые в абстракции от условий нашего знания о них — просто когнитивные пробелы; либо внепространственный и вневременной мир вещей в себе (или ноуменов) есть единственная реальность, а все остальное только представляется существующим.

Но это было бы слишком резким противопоставлением альтернатив. В каждом из данных случаев необходима оговорка. Утверждение первой альтернативы требует по крайней мере уже отмеченного дополнения, что вещи в себе, рассматриваемые в абстракции от условий нашего знания, могут при всем, что мы можем в принципе знать о них, обладать свойствами, о которых мы ничего не можем знать. Но это, как также было отмечено, едва ли окажется уступкой, способной успокоить эмпирического реалиста. Он может лишь отметить, что что-либо, находящееся за пределами наших познавательных возможностей, если и существует, то не представляет никакого интереса или важности для нас.

Оговорка, требующаяся в случае второй альтернативы, представляется более серьезной. Если в действительности имеет место ситуация, когда отношения аффицирования на сверхчувственном уровне порождают явления во внешнем и внутреннем чувстве, если вещи в самом деле являются нам в пространственном и временном обличье, то кажется, что и глагол «являться» должен здесь иметь временную конструкцию, что эти явления должны действительно случаться во времени. В качестве альтернативы здесь можно было бы сказать, что это кажется в пространстве и времени трансцендентальному субъекту, что он обладает последовательностями упорядоченных во времени состояний. Но это в строгом смысле непонятно, даже бессмысленно. Поэтому

мы остаемся с результатом, что явления, т. е. наши упорядоченные во времени представления или впечатления, в самом деле случаются во времени, в то время как то, что мы вынуждены представлять как тела в пространстве на деле есть не более чем сами эти представления. В таком случае разница между идеализмом Канта и идеализмом Беркли не так велика, как он сам полагал.

Ни в одном из этих случаев, таким образом, результаты не являются четкими. Несмотря на это, ясно, что ни в одном из случаев мы не имеем и не можем иметь простую комбинацию двух разновидностей реализма, представленных вначале.

Необходимо еще одно заключительное замечание. Хотя и очевидно, что при любой интерпретации критической доктрины занавес чувства отделяет нас, эмпирических существ, от всякого знания вещей каковы они сами по себе, но этот занавес, согласно Канту, не является совершенно непроницаемым. Реальности, как она есть, обращается к нам из-за него, передавая нам не информацию, а команды — моральный императив, — а вместе с ним и нечто еще, что-то вроде надежды и даже веры. И как бы мало ни относились к нам эти идеи, кажется настолько ясным, насколько это может быть в этой темной области, что они были важны для Канта.

Послесловие переводчика

Питер Стросон предложил одно из самых ярких в XX в. толкований кантовской философии. Оригинальность интерпретации Стросона обусловлена уже тем, что ее автор — оксфордский философ, один из лидеров (тогда ещё) антиметафизической аналитической философии. Обращение к Канту было вызвано, по свидетельству самого Стросона, осознанием того, что его собственный философский проект³ пытался решить задачи, сходные с кантовскими⁴. Попытке прочесть Канта на аналитический лад посвящена книга Стросона «*Bounds of sense*» (1966). Эта работа вызвала бурную реакцию, и впоследствии её автору неоднократно приходилось возвращаться к теме кантовской философии в статьях. Настоящая статья была впервые опубликована в 1994 г.⁵ и демонстрирует эволюцию взглядов Стросона на ряд ключевых вопросов философии Канта.

В. А. Чалый

³ Проект создания «дескриптивной метафизики», представленный в работе «*Individuals*» (1959).

⁴ См.: *Strawson P. Intellectual autobiography // The philosophy of P. F. Strawson. New York: Open Court, 1999.*

⁵ *Strawson P. The problem of realism and the a priori // Kant and contemporary epistemology. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 167.*